

Федоров Владимир Григорьевич

**Оружейное дело на грани двух
эпох**

Работы оружейника 1900-1935 гг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Григорьевич Ф.**
Оружейное дело на грани двух эпох: Работы оружейника 1900-1935 гг / Федоров Владимир Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 202 с.

ISBN 978-5-519-78765-9

ISBN 978-5-519-78765-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

«Мировая война приняла форму огромного промышленного предприятия...».

Марсель Девуж — «Автоматическое оружие».

«Стремительность в войне является истинной осторожностью, а обычная осторожность на войне преступна...».

Ллойд-Джордж. — «Военные мемуары».

Ведя империалистическую захватническую политику величайшего размаха, готовясь к завершению давно намеченных задач с захватом Константинополя, с превращением Черного в Русское море, с присоединением Галиции, — царская Россия не только не сознавала, что современные войны требуют твердой базы в хорошо развитой сети промышленности страны, но не сумела заготовить хотя сколько-нибудь соответствующих поставленным замыслам запасов оружия и огнеприпасов; вся подготовка к войне велась в прежних спокойных патриархальных темпах несмотря на то, что скрытое состояние войны при тех постоянных конфликтах, которые следовали один за другим перед мировой войной, фактически уже имело место в течение многих лет.

Приведенные в заголовке эпитафры наиболее рельефно подчеркивают основные причины того кошмара в недостатке технических средств — винтовок, патронов, пулеметов и снарядов, — который уже через несколько месяцев, уже в конце 1914 г., так резко обнаружился в войсках царской армии.

Предлагаемый труд «Оружейное дело на грани двух эпох» имеет целью осветить главным образом вопросы оружейного дела как перед войной, так и в наше время — время бурного роста нашей промышленности, когда так твердо выполнены заветы Ленина—Сталина об овладении военной техникой во всем ее всеобъемлющем размахе.

Как резко бросается в глаза вся та разница, которая существовала в прежних работах и в настоящих. В царской России все дела вершались немногочисленными работниками царской бюрократии в тиши канцелярий, теперь же к делу обороны призвана вся страна, весь народ, все трудящиеся с небывалым размахом рабочего изобретательства.

Что же препятствовало в то время широкой организации и развитию различных научно-исследовательских институтов и проектно-конструкторских бюро, которые в настоящее время представляют твердую базу для быстрого движения вперед, для новых достижений, для новых открытий и изобретений?

Разве мыслимы теперь те ошибки, которые были неизбежны в то время хотя бы в нашем оружейном деле?

Почему так медленно двигалась разработка остроконечного патрона, утвержденного у нас спустя четыре года, а нового прицела и через шесть лет,—после появления таких патронов в иностранных армиях?

Разве мыслимо теперь столь медленное, тянувшееся в течение многих лет, испытание пулеметов Максима, бывшее причиной, что во время русско-японской войны русская армия почти не имела пулеметов?

Почему запасы винтовок были разработаны лишь в столь незначительном размере, что их хватило всего на три месяца мировой войны, а затем назначалось постепенное уменьшение штатного количества царской армии?

Разве мыслима теперь мобилизация военных заводов, во время которой опытные рабочие призывались в войска?

Разве возможно теперь отсутствие всякой подготовки, всякого плана для быстрого развития производительности оружейных заводов, несмотря на наличие соответствующего постановления мобилизационного комитета?

Изложить здесь весь ход работ по оружейному делу в предвоенный период — в эпоху развития автоматического оружия, в эпоху появления пулеметов, автоматических пистолетов, разработки опытных образцов автоматических винтовок, осветить оружейное дело во время мировой войны, затронув вопрос о состоянии оружия в армиях и об его исправлении, а также об интенсивных поисках оружия в различных странах и о соответствующих переговорах с их правительствами, выяснить работу отечественных оружейных и патронных заводов с выводами в отношении нашего времени — составляет предмет моей работы.

Настоящий труд подразделяется на три части:

Часть I — Оружейное дело в царской армии в начале XX столетия.

Часть II — Оружейное дело во время мировой войны.

Часть III — Оружейное дело после Октября.

ГЛАВА I.

Положение русской армии в отношении вооружения ручным огнестрельным оружием в начале XX столетия и назревавшие задачи. Организация и личный состав учреждений, ведавших в то время оружейным и патронным делом русской армии: Оружейный отдел Артиллерийского комитета, Комиссия для опытов по оружейной и патронной части, Инспекция оружейных и патронных заводов, Оружейно-патронное (снабжение) отделение Главного артиллерийского управления. Удовлетворяли ли организация и состав этих учреждений потребностям русской армии. Недостатки работ Оружейного отдела и их причины.

В 1900 г. я окончил курс Артиллерийской академии и поступил на службу в Оружейный отдел Артиллерийского комитета; с тех пор, в течение свыше 30 лет, я непрерывно работаю по оружейному делу, непосредственно участвуя в разработке большей части выдвигавшихся за это время основных вопросов и близко переживая как все наши достижения и успехи, так и все серьезные недостатки, ошибки и упущения, которые время от времени обнаруживались в обширнейшей области оружейных работ.

К моменту поступления моего на службу было только-что закончено перевооружение русской армии 3-линейными винтовками, обр. 1891 г. Войска были довольны новым оружием. Войсковые отзывы были блестящи. Оружейные и патронные заводы хорошо справились со своей задачей, причем все необходимое для армии количество оружия было изготовлено в России, кроме первоначального заказа в полмиллиона винтовок, переданного заводу Шателъро во Франции в целях ускорения всего хода перевооружения.

Необходимо однако отметить, что утверждение образца 3-линейной винтовки в 1891 г. сильно запоздало по сравнению с иностранными государствами: Франция приняла на вооружение первый образец малокалиберной магазинной винтовки, стрелявшей патронами с бездымным порохом и с пулей в оболочке, в 1886 г., Германия — в 1888 г., Япония — в 1888 г., Австро-Венгрия — в 1889 г. и Англия — также в 1889 г.

Таким образом и это перевооружение не отличалось от всех предыдущих, производившихся всегда с громадным запозданием. Уроки Севастопольской войны, когда русская армия имела на своем вооружении, главным образом, гладкоствольное оружие против нарезных ружей союзных армий, уроки турецкой войны 1877—78 гг., когда вследствие медленности работ русских оружейных заводов и несмотря на наличие хорошего образца винтовки системы Бердана № 2 армия

должна была выступить в поход вооруженною на $\frac{3}{4}$ своего состава винтовками Крюка, хотя и не были забыты, но не могли побороть привычной прежним учреждениям косности и медленности ведения и решения различных дел, даже и таких, которые имели наибольшее значение для армии.

В отношении револьверов — в 1895 г. был утвержден образец 3-линейного револьвера системы Нагана, причем Тульский оружейный завод уже установил их производство, и, по мере ассигнования орудств, также уже происходила выдача их на вооружение для замены ими старых 4,2-линейных револьверов системы Смита и Вессона.

Таким образом с точки зрения оценки качеств этих двух основных образцов вооружения, и не только в отношении их конструкции, но и в отношении их производства на заводах, первые годы нового XX столетия надо было считать как будто более или менее благополучными: русской армии удалось перевооружиться в мирное время и ее постоянная отсталость в технике на этот раз не имела особых неблагоприятных последствий во время войны.

Жизнь, однако, шла вперед. Какие же новые задачи стояли перед Оружейным отделом в данное время?

В первые годы моей службы в Оружейном отделе перед нами вырисовывались следующие работы.

1. Прежде всего необходимо было обратить особое внимание на ускорение испытаний пулемета Максима, так как в это время в некоторых иностранных армиях эти пулеметы уже вводились на вооружение. Необходимо однако отметить, что пулеметным делом в это время ведал не Оружейный, а другой отдел Комитета, и это недоразумение было ликвидировано лишь после русско-японской войны, когда разрешение всех пулеметных вопросов было сосредоточено в Оружейном отделе; это было произведено, однако, уже после испытаний, утверждения образца и установки пулеметного производства на Тульском оружейном заводе¹.

2. По некоторым сведениям, появлявшимся в иностранной технической литературе, и на основании изучения взятых у нас иностранных привилегий, можно было видеть, что приближается время нового перевооружения армии автоматической винтовкой; уже имелись сведения о некоторых опытных образцах этого оружия. Кайзертрей в своем известном труде об автоматическом оружии, изданном в 1902 г., между прочим указывал, что «в настоящее время никто не сомневается, что мы стоим накануне принятия автоматически действующего ручного огнестрельного оружия — этого оружия недалекого будущего. Предвестником нового перевооружения служат многочисленные и обширные опыты...».

Оружейному отделу предстояли громадные трудности по изучению этого нового оружия и по выработке и испытанию новых образцов.

3. Перед Оружейным отделом, кроме того, уже в то время вставал вопрос о введении некоторых улучшений и изменений в 3-линейную винтовку согласно длительному опыту службы винтовок в войсках; о необходимости этих изменений, правда, очень незначительных и относившихся главным образом к прибору и принадлежности, поступали различные донесения от войсковых частей и от штаб-офицеров, осматривавших оружие.

¹ Ввиду чего я и не касаюсь здесь вопроса о введении в царскую армию пулеметов системы Максима. Этот вопрос изложен в моем труде, печатающемся Военгизом, «Эволюция стрелкового вооружения».

4. В иностранных армиях в это время широко распространялись автоматические пистолеты, имелось уже довольно значительное количество разработанных образцов. Надо было выяснить основной вопрос о том, стоит ли заменять только что введенный образец 3-линейного револьвера автоматическим пистолетом и в утвердительном случае выбрать новый образец для перевооружения.

5. По некоторым сведениям, появлявшимся в печати, в иностранных армиях, в особенности в Германии и во Франции, широко испытывались новые остроконечные пули, при стрельбе которыми значительно повышались баллистические качества огнестрельного оружия. Надо было таким образом всесторонне испытать новые пули, выработав свой образец.

6. Относительно холодного оружия необходимо отметить, что в это время от войсковых частей стали поступать некоторые донесения о неудовлетворительности кавалерийской шашки обр. 1881 г. Встал вопрос о ее замене. Кроме того Инспекцией кавалерии был поднят вопрос о вооружении полков регулярной кавалерии пикой наподобие казачьих войск. Необходимо было выработать новый образец.

7. Опыт англо-бурской войны показал необходимость поднятия стрелкового дела в армии. Этот вопрос конечно не касался непосредственной компетенции Оружейного отдела, он затрагивал его только косвенно, так как на обязанности Оружейного отдела лежала забота о рекомендации войскам различных приборов и пособий для наилучшего обучения стрельбе.

8. Необходимо было улучшить уход и бережение оружия в войсках, в связи с поднятием стрелкового дела.

Прежде чем перейти к изложению всех этих работ, считаю необходимым сказать хотя несколько слов об организации всех тех учреждений, на которых лежала в то время руководящая роль в отношении оружейного и патронного дела русской армии.

Учреждения эти были следующие:

1. Оружейный отдел Артиллерийского комитета;
2. Комиссия для опытов по оружейной и патронной части;
3. Инспекция стрелковой части в войсках с находящейся в ее ведении офицерской стрелковой школой;
4. Инспекция оружейных и патронных заводов с находящимися в ее ведении: Тульским, Ижевским и Сестрорецким оружейными, а также Петербургским и Луганским патронными заводами;
5. Оружейно-патронное (снабжение) отделение ГАУ.

Оружейный отдел Комитета ведал, главным образом, разработкой новых образцов ручного оружия армии: как огнестрельного — винтовок, револьверов и патронов к ним, так и холодного — кавалерийских пик, шашек, кинжалов, бебутов, разработкой всех наставлений по надлежащему уходу и бережению этого оружия в войсках, рассмотрением и утверждением рабочих чертежей на эти образцы, составлением инструкций на прием их на заводах и в артскладах, рассмотрением всех вопросов в отношении исправного состояния оружия в войсках, а также снабжением войск необходимыми приборами и пособиями как для ухода за оружием, так и для надлежащего обучения стрельбе. Оружейный отдел рассматривал все текущие вопросы, предложения и изобретения по оружейному и патронному делу, возбуждавшиеся как в отношении проектирования новых образцов, так и в отношении некоторых их усовершенствований и изменений.

Заседания Оружейного отдела происходили раз в неделю.

Состав отдела был следующий: председательствовал инспектор стрелковой части в войсках. В число членов входили: а) два постоянных члена Оружейного отдела; б) генералы, состоявшие для поручений при инспекторе стрелковой части в войсках, в) начальник офицерской стрелковой школы, г) инспектор оружейных и патронных заводов, д) начальники заводов, находящихся в Петербурге или вблизи от него: Сестрорецкого оружейного и Петербургского патронного, е) начальник оружейно-патронного (снабженческого) отделения ГАУ, ж) делопроизводитель комиссии для опытов по оружейной и патронной части и з) делопроизводитель Оружейного отдела. Кроме того, в качестве совещательных членов, должны были присутствовать штаб-офицеры, осматривавшие оружие в войсках Петербургского военного округа, а также в Петербургском округе пограничной стражи, и представитель морского ведомства по отделу ручного оружия.

Отсюда видно, что организация Оружейного отдела была безусловно правильной: **в составе его находились представители всех учреждений и отделов, которые касались всех отраслей оружейного дела;** для рассмотрения всего разнообразнейшего комплекса вопросов, обсуждавшихся у нас, имелись в составе отдела те или иные представители, знакомые с этими вопросами и изучавшие таковые.

Представителями строя и войсковых частей были работники инспекции стрелковой части: сам инспектор и состоявшие при нем генералы, а также начальник офицерской стрелковой школы. Интересы войсковых частей были представлены довольно полно и разносторонне. Все недостатки в оружии, все вопросы в отношении сбережения и ухода за ним, все вопросы, возбуждавшиеся непосредственно войсками, обстоятельно рассматривались и обсуждались в отделе представителями, долго прослужившими в войсках и притом выделенными своей службой в строю, иначе они не могли бы попасть из рядовых строевых офицеров в число генералов для поручений, инспектировавших стрелковое дело в армии.

Для рассмотрения непосредственных вопросов по уходу за оружием и по состоянию его в войсках, кроме того, имелись два представителя от войск, а именно—штаб-офицеры, осматривавшие оружие.

Оружейные и патронные заводы были представлены инспектором этих заводов и двумя начальниками заводов; кроме того, при рассмотрении специальных заводских вопросов всегда вызывались докладчики с заводов по указанию их начальников.

Опытная часть была представлена членами комиссии, входившими в состав отдела.

Вопросы снабжения, если таковые косвенно затрагивались, освещались начальником Оружейно-патронного отделения.

Все эти члены Оружейного отдела входили в его состав по занимаемым ими должностям и привлекались для работ в отделе лишь в дни заседаний. Характер их работы был чисто совещательный—консультативный.

Постоянный состав отдела составляли два постоянных члена комитета, которыми в первые годы моей службы состояли ген. Чапин и Роговцов. На их обязанности должно было лежать предварительное рассмотрение всех поступающих вопросов и составление проектов постановлений совместно с делопроизводителем отдела. Такой порядок и был принят во всех остальных отделах Комитета (отделы артиллерий, лафетов, снарядов, трубок, порохов и т. д.), но в то время он у нас не выполнялся и был установлен лишь впоследствии. Первые годы моей службы, занимая должность делопроизводителя, я был

единственным докладчиком; возбуждавшиеся вопросы решались непосредственно во время заседаний; я, как делопроизводитель, составлял протоколы заседаний и к следующему заседанию представлял уже журнальные постановления на основании принятых решений.

Само собой разумеется, что такой порядок никоим образом нельзя было признать правильным: каждый вопрос должен был подвергаться основательному предварительному изучению, надо было собрать все требующиеся справки и сведения (в случае необходимости при посещении заводов и других учреждений), и лишь готовый проект должен был вноситься на всестороннее обсуждение всех членов отдела.

Старший постоянный член отдела ген. Чапин был уже преклонного возраста (он был участником войны 1854—55 гг.), его выдающаяся энергичная деятельность относилась еще ко времени введения в войска винтовок Карле, Кринка и Бердана, и вскоре он ушел в отставку. Лишь тогда с переводом на его место А. Керна, который ранее вел в I-м отделе Комитета все пулеметное дело, решено было несколько реформировать и наш Оружейный отдел. В этот отдел были перенесены все пулеметные вопросы, причем А. Керн стал докладчиком всех вопросов по этому делу с предварительным рассмотрением их и составлением проекта журнала, все же оружейные и патронные дела были возложены на меня.

Второй постоянный член отдела ген. Роговцов был назначен председателем комиссии по опытам по оружейной и патронной части.

Эта комиссия заменяла собой современный ружейный полигон; само собой разумеется, что работы ее нельзя было признать удовлетворяющими своему назначению — причина этого лежала в самой организации комиссии. В ее составе был лишь один работник — делопроизводитель комиссии, который был штатным ее сотрудником; эту должность в то время занимал Н. М. Филатов; все остальные члены состояли на других штатных должностях, исполняя другие обязанности, и привлекались к работам комиссии лишь постольку, поскольку они могли уделять для этого свободное время.

Полная неудовлетворительность организации опытного дела по оружейной и патронной части и недостаточность состава комиссии сознавалась давно, а потому уже в первые годы моей службы была сделана попытка несколько увеличить состав комиссии прикомандированием для работ хотя бы одного офицера из числа лиц, окончивших Артиллерийскую академию. Необходимо при этом отметить, что для артиллерийского дела уже давно был организован и хорошо функционировал специальный артополигон в Петербурге, за Охтой. Ясно, что оружейному делу надо было идти по тому же пути, но это было выполнено лишь после русско-японской войны благодаря особой энергии, проявленной в этом деле Н. М. Филатовым.

Скажу далее несколько слов о личном составе Оружейного отдела.

Как везде и всюду в различных учреждениях душой всего дела всегда бывают один или два человека; так и у нас во время начала моей службы я считал таким работником Н. Филатова, отличавшегося большими способностями, выдающимся знанием дела, большой опытностью и, главное, колоссальной энергией. Лишь благодаря его настоянию и был организован Ружейный полигон, он основал «Вестник офицерской стрелковой школы», получивший широкое распространение в армии. Н. Филатов был первым фактическим редактором этого журнала. Его работы по теории стрелкового дела известны всем; им был создан первый учебник, первое руководство этого дела.

Во всех заседаниях Оружейного отдела он был наиболее энергичным работником, вкладывавшим все свои знания и весь свой опыт в возможно всестороннее и правильное рассмотрение возбуждавшихся вопросов. Ни один оружейный вопрос не проходил без его энергичного участия. Можно было удивляться, откуда берет он время и силы для всех тех дел, которые ему приходилось выполнять и как начальнику полигона, и как непременному участнику всех заседаний Оружейного отдела и множества различных комиссий, все время организуемых для решения различных оружейных дел по выработке уставов, инструкций, положений, и как известному лектору на курсах капитанов переменного состава, и как редактору «Вестника школы» и составителю различных технических трудов и курсов.

Другим работником, имевшим промадное и, я бы сказал, первенствующее значение при рассмотрении различных оружейных вопросов, необходимо безусловно считать постоянного члена Артиллерийского комитета А. Керна, переведенного к нам в 1905 г. Он пользовался всеобщим уважением в Комитете, его глубоко продуманные доклады на заседаниях надо было считать образцовыми: они всегда принимались единогласно без всяких прений.

Председателем Отдела был инспектор стрелковой части в войсках ген. Ридигер—участник турецкой войны 1877—1878 гг., человек уже преклонных лет (ему в то время было шестьдесят с лишним лет); он был хорошим председателем и умело руководил заседанием и всеми прениями; не имея высшего ни военного, ни артиллерийского образования, он отлично справлялся с обязанностями председателя благодаря здравому уму и служебному опыту.

Инспектором оружейных и патронных заводов был ген. Бестужев-Рюмин, человек весьма преклонных лет (ему было в то время около 70 лет); он считался в свое время выдающимся оружейником, пробыв долгое время начальником Тульского оружейного завода, им был основан еще в 60-х годах первый в России специальный журнал «Оружейный сборник», имевший в то время большое распространение. Необходимо отметить, что разбор романа «Война и мир» Л. Н. Толстого с военной точки зрения, сделанный М. Драгомировым, печатался в «Оружейном сборнике». На своих плечах Бестужев-Рюмин вынес всю тяжесть перевооружения армии: как 4,2-линейными так и 3-линейными винтовками обр. 1891 г. Конечно, к данному времени Бестужев-Рюмин был уже стар и не мог проявлять прежней энергии.

Из начальников заводов выделялся ген. Мосин—начальник Сестрорецкого оружейного завода, изобретатель 3-линейной винтовки. Как известно, она не получила названия системы Мосина, так как в ней были части, спроектированные как иностранцем Наганом, так и комиссией, разрабатывавшей систему малокалиберной винтовки. Ген. Мосин был выдающимся русским конструктором; на заседаниях и в прениях его присутствие было мало заметно, так как по природе своей он отличался молчаливостью и скромностью.

Следует еще отметить ген. Эгерштрама, состоявшего по своей должности в числе генералов для поручений при военном министре. Лишь ввиду прежних заслуг как преподавателя артиллерии и ручного оружия в высших учебных заведениях (Академии военной и артиллерийская), он все еще оставался на службе, хотя ему было около 80 лет, и он, конечно, должен был бы давно находиться в отставке. Участник венгерского похода 1849 г., когда армия была вооружена еще кремневым оружием, он мне, смеясь, говорил, что в Оружейном отделе он представляет собою древнейшую историю, В. Н. Бестужев-

Рюмин, Чагин и Риддигер — среднюю; Мосин — новую, а я и Н. М. Филатов — новейшую.

Представителем снабженческого аппарата ГАУ был начальник оружейно-патронного отделения Юрлов, работавший в комиссии по разработке 3-линейной винтовки.

В то время в отношении заводов ГАУ ведало лишь следующими функциями: выдача заказов, ассигнование необходимых средств, приемка оружия и проверка технических смет и отчетов. Для всей этой деятельности в составе оружейно-патронного отделения имелся лишь один делопроизводитель, его помощник и соответствующий делопроизводитель в составе отделения проверки технических смет. Никакого детального технического руководства заводами, помимо периодически контролирующей деятельности инспектора, со стороны ГАУ не было: заводы работали каждый сам по себе, технологические процессы были различны в зависимости от оборудования завода. Мобилизация заводов в случае войны разработана не была, никакого аппарата для этого не было, ведь весь личный состав ГАУ, обслуживавший заводы (помимо членов приемных комиссий на самих заводах), сводился к 6—7 работникам: инспектор оружейных и патронных заводов, штаб-офицер для поручений, начальник оружейно-патронного отделения и два делопроизводителя, их помощники (по одному в Оружейном отделении и в отделении для проверки технических смет и отчетов). Конечно, в этом отношении сразу бросается в глаза различие по сравнению с настоящим временем, когда для этого дела еще недавно имелись два особых треста — Ружейный и Патронный с сотнями служащих. Не вдаваясь здесь подробно в этот вопрос, я не могу не упомянуть лишь о том удивительном круговороте изменений, который пережил в наше время вопрос руководства артиллерийскими заводами: здесь были сперва и ЦЕПАЗ (Центральное правление артзаводов) и Главвоенпром (Главное управление военных заводов), т. е. укрупненные тресты, затем последовало разукрупнение трестов ООРПО — Орудийно-оружейно-пулеметное объединение, затем произошло дальнейшее разукрупнение — появились Ружейно-пулеметный трест и Орудийно-арсенальное объединение, затем настала ликвидация трестов и появилось наконец ГВМУ. Необходимо отметить, что как прежняя дореволюционная, совершенно не удовлетворявшая своему назначению организация заводов, так и новые наши тресты безусловно нуждались в реорганизации, так как руководство трестов заводами зачастую было настолько далеко от непосредственной бурной работы на заводах, что дни приезда комиссий из представителей центральных учреждений заводы считали иногда потерянными для дела днями¹.

В заключение об организации и личном составе Оружейного отдела я должен отметить, что несмотря на всю ее продуманность, благодаря которой на заседаниях отдела присутствовали представители всех отраслей, соприкасающихся с оружейным делом, начиная от строя и кончая снабженческим аппаратом, личный состав отдела нельзя было признать вполне удовлетворяющим своему назначению: некоторая часть его членов была весьма преклонного возраста, при-

¹ Тресты имели бы значение лишь в том случае, если бы они могли действительно руководить заводами. На самом же деле этого никогда не было, да и не могло быть, так как трестовская деятельность по самой своей сути за редкими исключениями заставляла лишь постепенно отходить от всего приобретенного ранее службой на заводе, а при бурных темпах развития всех нововведений для трестовских работников терялся и новый опыт и новые знания; во избежание этого им надо было бы большую часть службы проводить на заводах, что, конечно, было невозможно.

чем в этом отношении: Оружейный отдел находился в худших условиях по сравнению не только с прочими Отделами артиллерийского комитета, но и с другими учреждениями того времени, когда на необходимость устранения работников, не отличавшихся уже требуемой бодростью и энергией, вообще не обращалось абсолютно никакого внимания.

Личный состав Оружейного отдела безусловно требовал некоторого обновления в отношении замены старых работников.

Правда, время начала моей службы в отношении работ по оружейному делу было временем сравнительно тихим. Только-что, как это указано выше, закончилось перевооружение армии 3-линейной винтовкой. Хотя Россия и перевооружилась с большим запозданием, но и здесь имелось некоторое утешение для оружейных деятелей того времени. Благодаря такому запозданию удалось все-таки избежать тех неблагоприятных последствий, которые имели место при перевооружении армий очень многих иностранных государств, а именно излишнего расходования народных средств на повторное перевооружение, ввиду некоторых недостатков, обнаружившихся в слишком поспешно введенных образцах магазинного малокалиберного оружия: Германии пришлось перевооружиться два раза образцами в 1888 и 1898 гг., Австро-Венгрии — в 1889 и 1895 гг., Японии — в 1888, 1897 и 1905 гг., Англии — в 1889 и 1914 гг.

Может быть благодаря этим успокаивающим обстоятельствам в решениях Оружейного отдела (главным образом до русско-японской войны) и проскальзывал некоторый консерватизм, некоторая медленность и патриархальность в ведении дел — не было той освежающей струи, того освежающего ветра, которые заставили бы всколыхнуть все это море спокойствия.

Вдумываясь теперь в свои молодые годы, в свою работу тех лет, когда я только что окончил Артакадемию, я считал бы необходимым отметить, что на такое спокойное отношение к работам имело кроме того некоторое влияние распространенное в то время мнение о прочности нашего военно-политического положения и о силе и хорошей подготовке русской армии. Ведь в различных статьях печати, да и в военной истории — нам указывалось, что, несмотря на некоторые неудачи, последняя русско-турецкая война 77—78 гг. окончилась полным разгромом всех турецких армий и приближением к Константинополю. Мир был заключен в Сан-Стефано, в 5 верстах от турецкой столицы. Война выявила талантливых полководцев: Скобелева, Гурко, Радецкого. Я помню заключительные слова профессора Артакадемии, читавшего нам историю войны 77—78 гг., что эта война безусловно была славная и выказала доблесть русского оружия. Война в Средней Азии закончилась присоединением громадных территорий среднеазиатских владений. Изучение военной истории преподносилось нам в том виде, что с этой точки зрения у нас все было благополучно. Даже неудачная для нас Севастопольская кампания, где русской армии пришлось столкнуться с коалицией самых могущественных держав — Францией и Англией, подкреплённых войсками Турции и Италии — была приукрашена такими сведениями о доблести русского офицера и солдата в течение 11-месячной осады Севастополя, что и эта кампания не могла поколебать этого убеждения. Распространению этого убеждения способствовала и интенсивная пропаганда об изучении прежней военной истории: многочисленных победоносных войн с Турцией, покорения Кавказа, войны с Персией, Отечественной войны с вступлением русских войск в Париж, итальянского похода